

Я.А. Шулатов

Яков Малик и политика СССР в отношении Японии в начале Второй мировой войны

Аннотация. Статья посвящена советскому дипломату Я.А. Малику (1906—1980), послу СССР в Японии во время Второй мировой войны. Малик стал первым послом в Токио, профессиональная карьера которого в НКВД началась именно с японского направления. Автор рассматривает деятельность Малика с начала его работы в структурах НКВД вплоть до назначения на должность посла в 1942 г., анализируя докладные записки относительно состояния советско-японских отношений, внешней и внутренней политики Японии, ее международного положения и курса в отношении СССР.

На основе множества первоисточников удалось проследить карьерный путь и профессиональный рост дипломата, который из начинающего сотрудника превратился в одного из ключевых специалистов по Японии, к мнению которого прислушивались на самом верху. Как показано в статье, его аналитические заметки и политические соображения были созвучны многим шагам Москвы на японском направлении, а в ряде случаев они служили если не обоснованием, то важным аргументом в пользу того или иного решения советского руководства, поэтому Малика можно назвать одним из акторов, влиявших на советскую политику по отношению к Японии.

Особое внимание в статье уделено периоду с начала нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. до лета 1942 г., когда Малик вручил верительные грамоты императору Хирохито и официально стал послом — самым молодым в японской столице. Подробно анализируется эволюция подхода к советским представителям и политического курса в отношении Москвы со стороны японских властей, в том числе относительно пакта о нейтралитете, рассмотрены взгляды советских дипломатов относительно двусторонних отношений с Японией и т.д. Автор приходит к выводу, что именно этот период является ключевым для понимания, почему деятельность Малика получила высокую оценку. Это, в свою очередь, предопределило его пребывание на одном из важнейших для СССР дипломатических постов вплоть до конца Второй мировой войны, а затем и последующий карьерный взлет молодого дипломата, который впоследствии занимал ряд ключевых должностей в советском МИД.

Главной источниковой базой исследования послужили архивные документы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Малик Я.А., советско-японские отношения, политика СССР в отношении Японии, пакт о нейтралитете, Вторая мировая война, посольство СССР в Токио.

Автор: Шулатов Ярослав Александрович, кандидат исторических наук, Ph.D. (Law), профессор Школы политологии и экономики, Университет Васэда (адрес: 169-8050, Япония, Токио, Синдзюку-ку, Ниси-Васэда 1-6-1).
ORCID: 0000-0001-9711-8993. E-mail: shulatov@waseda.jp

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шулатов Я.А. Яков Малик и политика СССР в отношении Японии в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2026. № 2. С. 88—117. DOI: 10.55105/2500-2872-2026-2-88-117.

Ya.A. Shulatov

Yakov Malik and Soviet policy toward Japan at the beginning of World War II

Abstract. The paper is devoted to a Soviet diplomat Y.A. Malik (1906—1980), the USSR ambassador to Japan during World War II. Malik became the first ambassador to Tokyo whose professional career in the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID) began with the Japanese direction. The author examines Malik's activities from the beginning of his work in the NKID structures until his appointment as Ambassador in 1942, analyzing his reports on the Soviet-Japanese relations, Japan's domestic and foreign policy, as well as its international affairs, and its position toward the USSR.

Based on numerous primary sources, the article traces the diplomat's career path and his professional development, showing how he evolved from a junior official into one of the Soviet Union's leading experts on Japan, whose views were taken seriously at the highest level. The paper shows that his analytical reports and political assessments were consistent with many of Moscow's policy decisions regarding Japan, and in some cases served, if not as direct justification, then as important arguments in support of particular decisions made by the Soviet leadership. Therefore, Malik should be regarded as one of the actors who influenced Soviet policy toward Japan.

Special attention is paid to the period from the beginning of Germany's invasion of the USSR on June 22, 1941, to the summer of 1942, when Malik presented his credentials to Emperor Hirohito and officially became ambassador — the youngest one in Tokyo. The article provides a detailed analysis of the evolution of the Japanese authorities' attitude toward Soviet representatives and of Japan's political course toward the USSR, including their approach to the Soviet—Japanese Neutrality Pact. It also examines the views of Soviet diplomats concerning bilateral relations with Japan, etc. The author concludes that this period is the key to understanding why Malik's work was so highly evaluated. This, in turn, predetermined his tenure in one of the most important diplomatic posts for the USSR until the end of World War II, and then the subsequent career rise of the young diplomat, who later held leading positions in the Soviet Foreign Ministry.

The main source base for the study was the archival documents, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Yakov Malik, Soviet-Japanese relations, the USSR policy toward Japan, Soviet-Japanese Neutrality Pact, World War II, Soviet Embassy in Japan.

Author: *Shulatov Yaroslav A.*, Ph.D. (History), Ph.D. (Law), Professor, School of Political Science and Economics, Waseda University (address: 169-8050, Japan, Tokyo, Shinjuku-ku, Nishi Waseda 1-6-1). ORCID: 0000-0001-9711-8993.

E-mail: shulatov@waseda.jp

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shulatov, Y.A. (2026). Yakov Malik i politika SSSR v otnoshenii Yaponii v nachale Vtoroi mirovoi voyny [Yakov Malik and Soviet policy toward Japan at the beginning of World War II]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 2, 88—117. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-2-88-117.

Введение

Среди советских представителей в Японии первой половины XX в. было немало примечательных фигур. В разные годы представительство СССР в Токио возглавляли такие колоритные дипломаты, как В.Л. Копп (1880—1930), В.С. Довгалецкий (1885—1934), А.А. Трояновский (1882—1955), М.М. Славуцкий (1898—1943) и др., зарекомендовавшие себя опытными профессионалами и пользовавшиеся немалым авторитетом не только в рамках НКВД, но и среди зарубежных визави.

Вместе с тем, среди советских послов в Токио особое место занимает фигура Я.А. Малика (1906—1980). Внимание исследователей обычно привлекает его карьера после Второй мировой войны, когда он занимал посты замминистра иностранных дел СССР (в 1946—1952 и 1960—1976 гг.), постпреда в Совете безопасности ООН (1948—1952 и 1968—1976 гг.), а также посла в Великобритании в 1953—1960 гг., будучи одним из главных лиц советской дипломатии во время холодной войны. Однако для нас особенно важным является тот факт, что первым местом назначения Малика за рубежом стала Япония, которая превратилась в трамплин для его дальнейшей карьеры.

Сведения о жизни Малика до Второй мировой войны весьма скудны. Согласно биографическим данным, он родился в с. Островерховка Харьковской губернии, а образование получил в Харьковском институте народного хозяйства, который закончил в 1930 г. После этого молодой человек был на советской работе в УССР, однако в 1935 г. в его жизни произошел крутой поворот — он поступил в Институт дипломатических и консульских работников НКВД (далее ИДКР). С тех пор Малик остался на дипломатической работе: сначала референтом со знанием японского, английского и французского языков, потом помощником заведомо печати. В 1939 г. он был отправлен в Токио в качестве советника полпредства, а в 1942 г. был назначен послом, пробыв на этой должности вплоть до окончания войны [Залесский 2000, с. 295; Ефимов 2025].

Деятельность Малика в Японии уже являлась предметом исторических исследований. Одним из первых к этой теме обратился Б.Н. Славинский, введший в научный оборот множество архивных документов [Славинский 1995; Славинский 1996; Славинский 1999]. Зарубежные историки также уделяли внимание фигуре Малика и высоко ценили его аналитику по Японии [Haslam 1992; Yokote 1998; Hasegawa 2005]. Из последних работ следует выделить статьи И.А. Дегтева, раскрывшего важные аспекты взглядов советского дипломата на ситуацию в Японии во время войны [Дегтев 2021; Дегтев 2025a; Дегтев 2025b]. Недавно вышедшая монография М.Б. Ефимова также проливает свет на страницы деятельности Малика на японском направлении [Ефимов 2025]¹.

В историографии показана важная роль, сыгранная Маликом в контексте определения советской позиции в отношении Японии в конце войны, во время подготовки к Ялтинской конференции и т.д. Вместе с тем, за редким исключением, основное внимание было уделено именно заключительному этапу работы Малика в качестве посла,

¹ См. также серию эссе М.Б. Ефимова на сайте Общества «Россия—Япония». <https://russia-japansociety.ru/?p=57014#more-57014> (дата обращения: 30.11.2025).

когда Япония пыталась добиться посредничества СССР для выхода из войны в 1944—1945 гг. В то же время, важные стороны работы Малика в Японии, особенно в начале войны, остались недостаточно исследованы. В связи этим, главной задачей статьи мы ставим рассмотреть взгляды и деятельность Малика на начальном этапе его карьеры в НКВД и работы в Японии, вплоть до того, как он стал послом — самым молодым в японской столице. Таким образом, хронологические рамки статьи ограничиваются периодом с 1935 г. по лето 1942 г. (28 мая 1942 г. Малик был официально назначен послом, а 8 июля 1942 г. состоялось вручение верительных грамот).

Деятельность Малика с момента его поступления в структуры НКВД до назначения послом в Токио можно разделить на три основных этапа:

Обучение в ИДКР и работа в НКВД в Москве (1935—1939).

Назначение советником полпреда в Токио и работа в Японии до нападения Германии на СССР (осень 1939—22 июня 1941 г.)

Период после 22 июня 1941 г. до назначения послом СССР в Токио (до лета 1942 г.).

В последнем периоде, в свою очередь, можно выделить несколько этапов: а) первые недели войны вплоть до отставки главы МИД Мацуока (22 июня — 16 июля 1941 г.); б) взаимодействие с третьим кабинетом Коноэ и кабинетом Тодзио вплоть до нападения Японии на Перл-Харбор (18 июля — 7 декабря 1941 г.); в) период после начала войны на Тихом океане и вплоть до официального вступления в должность посла в Токио (8 декабря 1941 г. — 8 июля 1942 г.).

В статье мы уделим особое внимание третьему периоду работы Малика в Японии, так как он остается практически неизвестным для исследователей, хотя именно этот драматический год, на наш взгляд, является ключевым для понимания, почему его деятельность получила высокую оценку. Что, в свою очередь, предопределило пребывание Малика на одном из важнейших для СССР дипломатических постов вплоть до конца Второй мировой войны, а затем и последующий карьерный взлет.

Главной источниковой базой исследования послужили неопубликованные документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), в частности, из фондов №0146 (Референтура по Японии) и №6 (Секретариат Молотова), в которых хранятся переписка с руководством НКВД, записи бесед и дневники¹ советских дипломатов в Токио, в том числе самого Малика, Сметанина и др. Используются также опубликованные архивные коллекции и другие материалы.

Из Москвы в Токио (1935—1939)

Когда Малик пришел в НКВД, дипломатическое ведомство переживало трудные времена. К концу 1930-х гг. репрессии в СССР приобрели массовый характер, и многие сотрудники, в первую очередь «дипломаты ленинской школы», были арестованы и расстреляны. После пика репрессий 1937—1938 гг. последовала новая встряска: в мае 1939 г. вместо М.М. Литвинова наркомом иностранных дел был назначен В.М. Молотов, который продолжил чистку аппарата. В результате трагических событий этих лет жертвами стали многие высокопоставленные дипломаты, в том числе

¹ Вид внутреннего информационного документа, принятый в НКВД.

пять заместителей наркома, 48 полпредов СССР по всему миру, 30 заведующих от- делами НКВД, 28 глав консульских представительств. Более 140 человек из руково- дства НКВД и загранучреждений были репрессированы; посты полпредов в Токио, Вашингтоне и ряде других мировых столиц оставались вакантными [Зонова 2017]. Репрессии затронули и многих дипломатов, работавших на японском направлении¹. Многие были расстреляны, другие оказались изгнаны из профессии. В подобной ат- мосфере и в условиях дефицита опытных и квалифицированных сотрудников работа многих посольств и самого НКВД на ряде направлений оказалась фактически пара- лизованной, к 1939 г. комиссариат «переживал подлинную кадровую катастрофу» [Очерки истории МИД..., с. 386—387]. Одновременно происходил процесс формиро- вания аппарата ведомства за счет новых кадров. Это было новое поколение, вырос- шее уже при советской власти и воспитанное в соответствующем духе.

Важнейшим учреждением для подготовки новых сотрудников ведомства стал ИДКР НКВД, начавший прием первых слушателей в 1935 г. Туда и попал молодой выдвиженец из советской Украины Яков Малик. Согласно свидетельству Ф.Т. Гусева (1905—1987), впоследствии посла в Великобритании (1943—1946), набор произво- дился в том числе и по объявлениям в газетах — сам Гусев упоминал, что увидел заметку в «Правде» о приеме в Институт лиц с высшим гуманитарным образованием. Среди лекторов значились полпреды первого ранга: А.М. Коллонтай (1872—1952), И.М. Майский (1884—1975), А.А. Трояновский (1882—1955) и др., а английский преподавала жена наркома Литвинова Айви Вальтеровна (Ivy Therese Low Litvinov) [Соколов 2005; Рудницкий 2021]. Несмотря на короткий срок обучения, системе уда- лось подготовить немало специалистов достаточно высокого класса. В условиях кад- рового голода они быстро двигались по карьерной лестнице. Гусев в 34 года возгла- вил 2-й Западный отдел НКВД, а Малик в неполные 33 года был назначен советни- ком полпредства в Токио.

¹ В 1937 г. были арестованы: генконсул в Токио И.Н. Дейчман (в 1934—1935 гг. первый секре- тарь полпредства), бывший второй секретарь полпредства (1925—1926) Л.И. Вольф, бывшие первые секретари полпредства (1925—1926) В.В. Кузнецов и М.Г. Галкович (1933—1934), бывший сотруд- ник бюро печати полпредства (1926—1927) Е.П. Терновская, бывший консул в Хакодате (1930— 1934) Г.Д. Тихонов, бывший консул полпредства (1930—1931) Б.Г. Подольский, бывший советник полпредства (1933—1937) Н.Я. Райвид, бывший и.о. консула в Цуруге (1933) и вице-консул в Отару (1934—1935) П.И. Рыжов, бывший поверенный в делах СССР в Японии (1931), заведующий подот- делом Дальнего Востока НКВД (1924—1928) Б.Н. Мельников, бывший торгпред в Токио (1926) Я.Д. Янсон, в начале 1920-х гг. также служивший заведующим Отделом Востока НКВД РСФСР и главой МИД ДВР. В этом же году был арестован и впоследствии расстрелян К.К. Юренев (Кротов- ский), возглавлявший полпредство в 1933—1937 гг. В 1938 г. аресту подверглись генконсул в Кобэ П.П. Краузе, сотрудник полпредства А.Л. Клетный, бывший консул в Хакодате (1925—1928 гг.) А.Н. Логинов, бывший первый секретарь полпредства и генконсул в Токио (1928—1934 гг.) В.П. Алексеев-Железняков. В марте 1939 г. арестовали бывшего второго секретаря полпредства (1933—1938) И.И. Шебеко (Журбу), также служившего в 1925—1927 гг. секретарем генконсульства в Кобэ, а в 1927—1928 гг. — вице-консулом генконсульства Сеуле. В октябре в заключение попал бывший генконсул в Кобэ (1926—1928) и Сеуле (1934—1936) Ю.В. Мальцев. В 1940 г. был аресто- ван видный дипломат Г.А. Астахов, в свое время работавший первым секретарём полпредства в Токио (1925—1928) и опубликовавший ряд работ по Японии. См.: Книга памяти работников совет- ской дипломатической службы — жертв репрессий. Историко-документальный департамент МИД России. https://idd.mid.ru/informational_materials/memorys_book.php (дата обращения: 05.07.2025).

Поскольку Малик значился референтом в том числе с японским языком, очевидно, что его изначально готовили к работе на японском направлении. Вероятно, решение о назначении Малика в Токио было принято ранней осенью 1939 г. Известно, что он был на приеме у Сталина поздно вечером 19 октября 1939 г. Вместе с Маликом в кабинете вождя находился К.А. Сметанин (1898—1969), назначенный незадолго до этого полпредом в Японию, и еще один молодой дипломат Д.А. Жуков (1909—1981)¹.

Сметанин был выходцем из рыбной промышленности, изначально никак не связанным с Японией. Вопросы рыболовства являлись важнейшей составляющей советско-японских отношений, и значительная часть дипломатических документов была посвящена именно им. В этом смысле логично, что Москва решила послать в Токио соответствующего специалиста, и в 1937 г. Сметанин, на тот момент и.о. директора ВНИРО, был отправлен в полпредство на должность советника. Однако после того, как в 1938 г. полпред Славущий вернулся в СССР, Сметанин стал поверенным в делах в Японии, пробыв на этой должности до 1939 г.² В условиях, когда аппарат полпредства был обескровлен, такое назначение было скорее вынужденным шагом. Фигура Сметанина поначалу не имела должного авторитета в японских кругах. 3 января 1939 г. нарком Литвинов в письме к Сталину писал: «С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет» [Ефимов 2025]. Вероятно, это отчасти можно объяснить пренебрежением к некарьерному дипломату. Вместе с тем, в конце 1930-х гг. напряженность в советско-японских отношениях достигла пика, вылившись в кровопролитные столкновения на границе, включая крупномасштабные конфликты в районе оз. Хасан (1938) и в особенности на р. Халхин-Гол (1939). Вплоть до окончания острой фазы вооруженного противостояния советские дипломаты в Японии жаловались на давление со стороны местных властей [Дёгтев 2025b, с. 6—68].

Поражение на Халхин-Голе и провал на дипломатическом фронте³ заставили Японию пересмотреть стратегию на советском направлении в пользу более осторожного курса. 15 сентября 1939 г. нарком Молотов и японский посол в СССР Того Сигэнори (東郷茂徳, 1882—1950) подписали соглашение о прекращении боевых действий. Складывались условия для перезагрузки в двусторонних отношениях.

В этой ситуации в Москве приняли решение усилить аппарат полпредства в Токио. Сметанин был повышен до полпреда, а в помощь ему советниками назначили Малика и Жукова. При этом последний был призван на дипломатическую службу только в 1939 г. и не имел ранее соответствующего опыта⁴. В этой связи становится

¹ Прием с 22:55 до 24:00 [На приеме у Сталина, с. 277].

² Сметанин Константин Александрович. Биография на сайте Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). <https://vniro.ru/direk-tora-vniro/smetanin-konstantin-aleksandrovich> (дата обращения: 5.06.2025); Дипломатический словарь 1986, с. 42 и др.

³ 23 августа 1939 г., в разгар советского наступления на позиции японских войск на Халхин-Голе, был подписан советско-германский пакт о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа). Это произвело в Токио эффект разорвавшейся бомбы и спровоцировало отставку кабинета Хиракумы Киитиро (平沼騏一郎, 1867—1952).

⁴ В 1939—1943 гг. Жуков работал советником полпредства в Японии, а после был переведен во 2-й Дальневосточный отдел НКВД, продолжая заниматься японским направлением вплоть до 1945 г. [Дипломатический словарь 1985, с. 368].

ясным особое положение Малика, который находился в структуре НКВД дольше Сметанина и Жукова и имел профильную подготовку, включая японский язык. Очевидно, в руководстве рассчитывали, что эта связка, помноженная на опыт работы Сметанина в Токио, принесет должный эффект. Вскоре после аудиенции у Сталина дипломаты отправились к месту службы, прибыв в Японию в начале ноября 1939 г.

Советник полпредства в Японии (1939—1941)

К концу 1939 г. советско-японские отношения стабилизировались, наметился позитивный тренд. В канун 1940 г. Молотов и Того подписали в Кремле протокол о продлении рыболовной конвенции 1928 г. Стороны снизили накал риторики, советские дипломаты отмечали положительные изменения со стороны японских властей и прессы. Сметанин писал Молотову: «Злобные и антисоветские статьи... у значительной части газет сменились на более или менее уравновешенные, спокойные и ставящие вопросы по-деловому». В дневнике от 2 июля 1940 г. Малик указывал на попытки «позондировать возможность общения с нами» со стороны «так называемого обновленческого движения из Японии», которое стремилось «перестроить Японию на “тоталитарный” лад» и поддерживало «идею о том, что как-то надо договориться с СССР». На светских мероприятиях звучали призывы к сотрудничеству и установлению добрососедских отношений с Москвой, хотя в своих донесениях советские дипломаты называли это «словесной демагогией» и «разглагольствованием» [Дёгтев 2025а, с. 9—12].

В качестве сторонника укрепления советско-японских отношений и активного участника вышеупомянутого «движения» Малик называл председателя вице-адмирала Сакондзи Сэйдзо (左近司政三, 1879—1969), председателя Северосахалинской нефтяной акционерной компании (*Кита-карафутто сэкию кабусики гайся*, 北樺太石油株式会社)¹. Это предприятие, созданное вскоре после установления дипотношений между СССР и Японией, находилось под контролем японского флота, который был заинтересован в разработке месторождений Северного Сахалина как источника снабжения горючим. Во многом поэтому морское ведомство Японии, в отличие от армии выступавшее за южное направление экспансии и рассматривавшее в качестве потенциального противника США, было настроено скорее благожелательно по отношению к СССР, и советские дипломаты еще в середине 1920-х гг. отмечали «наших друзей» из японских ВМС, стремясь поддерживать дружественные контакты [Shulatov 2016].

Как известно, 2 июля 1940 г. в Москве посол Того предложил в беседе с Молотовым заключить «соглашение о нейтралитете»². С этого времени начались долгие и непростые переговоры, которые увенчались подписанием 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете. Данной проблеме посвящено множество исследований³, нас же интересует деятельность Малика и полпредства в Токио в данном контексте.

¹ Подробнее об этой компании см. [Murakami 2004].

² *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 23 (1940—22 июня 1941). Кн. 1. (1 января — 31 октября 1940). Москва: Международные отношения, 1995. С. 400—406.

³ См.: Nihon kokusai seiji gakkai hencho. (1987a). *Taihei'yō sensō he-no michi — kaisen gaikōshi*. 5. *Sankoku dōmei, Nisso chūyūritsu jōyaku* [Japan Association of International Relations (Ed.). The Path to the Pacific war: A Diplomatic History of the Outbreak of War. 5. Tripartite Pact, Japanese-Soviet Neutrality

Изначально переговоры проходили в Москве между Молотовым и Того, однако вскоре последний был отозван по распоряжению нового министра иностранных дел Мацуока Ёсукэ (松岡洋右, 1880—1946). Спустя некоторое время переговоры возобновились, однако основной канал по-прежнему был в Москве: с японской стороны участвовал новый посол в СССР Татэкава Ёсицугу (建川美次, 1880—1845), а с советской — нарком Молотов. Тем не менее, полпредство в Токио не оставалось в стороне от процесса советско-японского сближения. Сметанин, Малик и Жуков присутствовали на вокзале на проводах Татэкава в Москву, а в середине октября советских дипломатов позвал к себе домой Мацуока.

Сметанин оставил в своем дневнике подробный отчет об этом визите. Глава МИД жил в богатом доме, построенном на европейский лад, внутри были развешаны картины русских художников Репина, Маковского и Петрова. В ходе беседы Мацуока не уставал «изливать “свою душу” любви к России и к русскому народу», подчеркивая, что ему безразлична форма правления, царская или советская... что «он просто любит русский народ, который, по словам Мацуока, близок и понятен японскому народу», а «новый порядок в Восточной Азии может быть осуществлен двумя странами — Японией и СССР». После очередного пассажа про «родство душ русского и японского народов», Сметанин заметил, что за последние 10 лет представители власти и прессы настраивали японский народ против СССР, на что Мацуока ответил, что «все это в прошлом и что теперь этого не будет». Впрочем, попытки придать разговору более предметный характер не увенчались успехом — на вопрос Сметанина про реакцию на предложение Молотова относительно пакта от 14 августа 1940 г. Мацуока ушел от ответа, сказав, что сам он был занят Тройственным пактом и нужно дополнительное время для рассмотрения¹.

Как правило, Малик сопровождал Сметанина на встречах с японскими дипломатами, присутствовал он и на этой. В его дневниках значительная часть отводилась анализу внутривосточной ситуации, а также приводился очень подробный разбор прессы². Советник изучал Японию и набирался опыта.

Тем временем, в полпредстве расширяли активность. Так, решено было организовать большой прием по поводу годовщины революции 7 ноября. До середины 1930-х гг. приемы проводились регулярно, но с 1936 г. практика прекратилась в связи с напряженным характером советско-японских отношений. Прием 1940 г. должен был символизировать наступление нового периода в двусторонних контактах, а также продемонстрировать это представителям других держав. Попытка увенчалась успехом — всего присутствовало около 200 гостей, в том числе такие фигуры, как глава МИД Мацуока, военный министр Тодзио (Тодзё) Хидэки (東條英機, 1884—1948), морской министр Оикава Косиро (及川古志郎, 1883—1958), а также другие министры и весь дипкорпус. В условиях войны в Европе советские дипломаты в Токио позиционировали себя в качестве равноудаленной стороны. Описывая прием, советник

Pact]. Tokyo: Asahi shimbunsha. (In Japanese). [Lensen 1972; Kudo 1985; Славинский 1995; Молодяков 2004; Воробьева 2010; Тобэ 2015] и др.

¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. П. 224. Д. 7. Л. 29—31.

² Например, см. дневник Малика от 7 октября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. П. 224. Д. 7. Л. 1—22.

Жуков отмечал: «На нашей нейтральной почве чувствовали себя довольно спокойно как представители оси, так и англо-американского блока»¹.

Оживлялись контакты в сфере общественной жизни. Описывая общую атмосферу, полпред отмечал: «В японской общественности заметно меняющееся отношение к СССР». 16 октября Сметанин и другие работники с женами посетили театр Кабуки по специальному приглашению. Там их встречал директорат акционерного общества во главе с Отани², который «недвусмысленно намекал на желание вторично посетить Москву и СССР» после 1928 г.³ Малик считал, что сам факт, когда директор театра лично приглашал посла «в истории советского посольства беспрецедентный» [Дегтев 2025а, с. 15], однако следует учесть, что советское полпредство ранее помогло организовать самые первые зарубежные гастроли Кабуки в СССР⁴, поэтому у театра была особая история отношений с Москвой.

Со временем круг знакомств Малика в Токио расширился, и в 1941 г. в его донесениях уже фигурировали фрагменты бесед с зарубежными послами и другими высшими чинами. Так, 18 апреля 1941 г., уже после подписания советско-японского пакта о нейтралитете, советским полпредством был устроен банкет для «англо-американского блока» и нейтралов, на котором присутствовали послы США, Англии и Турции, а также посланники Швеции и Австралии. Отчет Малика о разговорах на банкете с послом Великобритании Р. Крейги (Robert Craigie, 1883—1959) и посланником Австралии Дж. Латамом (John Latham, 1887—1964) был представлен Молотову и Вышинскому. Примечательно, что сами беседы носили весьма откровенный и непринужденный характер⁵, что свидетельствует о соответствующем уровне контактов между дипломатами. Таким образом, в 1941 г. Малик вполне органично смотрелся в качестве представителя СССР на беседах с зарубежными послами и посланниками, которые были выше его по рангу. Если одним из прицелов назначения Малика в

¹ Любопытные детали касались беседы с бывшим послом в СССР Того, который вернулся в Токио. Жуков заметил, что «Того не очень доволен тем, что ему пришлось выехать из Москвы и у него проскальзывало чувство неизвестности своего дальнейшего положения». Особенно сильно недовольство сквозило в разговорах его жены и дочери, которые «с большой горечью» говорили о своем возвращении, так как по сравнению с Москвой в Токио «очень скучно и тяжело жить» // АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. П. 224. Д. 7. ЛЛ. 23—25; 37.

² Отани Такэдзиро (大谷竹次郎, 1877—1969), один из основателей компании Сётику, управлявшей в том числе театром Кабуки.

³ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. П. 224. Д. 7. Л. 31.

⁴ Важнейшую роль в этом сыграл И.М. Майский, на тот момент советник полпредства в Токио. Подробнее см: [Ёкотэ 2010].

⁵ Например, Латам рассказывал Малику про свою беседу с японскими журналистами, которым он заявил: «Представьте себе на минуту, что я не англичанин, а русский, и что я, как русский, выдвигаю свою новую идею — создание великой дальневосточной сферы процветания, конечно, под гегемонией СССР. При этом я требую включения в эту сферу ваших колоний Кореи и Формозы, мотивируя это тем, что вы, японцы, плохо экономически используете и развиваете ваши колонии. Что бы вы на это мне ответили. Вот в таком точно положении находимся и мы, англичане, в отношении проектируемой вами сферы процветания Восточной Азии». Малик продолжил: «На это «гипотетическое предположение» Латама я, смеясь, заметил: «Представляю себе лица японских журналистов, слушающих эту вашу аргументацию». Латам на это ответил: «Этого невозможно представить, так они были обескуражены». См.: *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 23 (1940—22 июня 1941). Кн. 2-2. (2 марта 1941—22 июня 1941). Москва: Международные отношения, 1998. С. 592—595].

Токио было подготовить преемника на смену Сметанину, то советник определенно входил в роль. Однако после 22 июня 1941 г. полпредство оказалось перед лицом одного из самых сложных стресс-тестов.

На пике напряженности (июнь—декабрь 1941)

После нападения Германии на СССР советско-японские отношения оказались в подвешенном состоянии. В первые, самые критические месяцы войны как в Москве, так и в посольстве¹ в Токио ощущалась высокая степень напряженности в связи с риском нападения со стороны Японии.

Очевидно, главной задачей советских дипломатов в Токио было не только прояснить позицию Японии относительно германо-советской войны, но и добиться гарантий соблюдения пакта о нейтралитете, который приобретал колоссальное значение для Москвы. Несмотря на болезнь², Сметанин встретился с Мацуока уже 23 июня. Посла сопровождал советник Малик.

После обмена любезностями стороны перешли к сути. Сметанин описывал это следующим образом: «Я задал Мацуоке основной вопрос о позиции Японии в отношении этой войны и будет ли Япония соблюдать нейтралитет так же, как его соблюдает Советский Союз в соответствии с пактом о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля с.г. Мацуока уклонился от прямого ответа и заявил, что его позиция по этому вопросу была изложена в свое время (22 апреля с.г.) в его заявлении после возвращения из Европы³. И тут же ... подчеркнул, что основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете «не будет иметь силы»». Впрочем, «окончательно» позиция Японии должна была выясниться после заседания кабинета 25 июня. Сметанин отмечал, что Мацуока «стал защищать позицию Германии», а в ответ на советские объяснения заявил, что «ему трудно сейчас разобраться и выявить, «кто прав и кто виноват», и что он снова подробно ознакомится со всеми материалами». Особо отмечалось, что вся беседа «за исключением первых минут» «проходила в сухом тоне со стороны Мацуоки (не то, что было недавно)»⁴. В дальнейшем Малик писал, что он и Смета-

¹ После введения в СССР в мае 1941 г. дипломатических рангов полпредства стали называться посольствами.

² У Сметанина подозревали грипп, тиф или заражение крови, решено было отправить врачей из СССР. Япония не разрешила прислать советский самолет (Мацуока утверждал, что МИД был за, но этого не разрешили «военные власти Японии»), однако вместо этого предоставила японский транспорт // АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 24. П. 223. Д. 4. Л. 188—190; *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 24 (22 июня 1941—1 января 1942). Москва: Международные отношения, 2000. С. 28.

³ Малик отмечал, что 22 апреля 1941 г., в день приезда из Европы в Токио, в своем выступлении Мацуока «как бы «резервировал за собой право» отказаться от обязательств» пакта с СССР, мотивируя это тем, что основой внешней политики Японии является тройственный пакт. Таким образом, 23 июня Мацуока вновь обратился к этой трактовке // АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 84.

⁴ *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 24 (22 июня 1941—1 января 1942). Москва: Международные отношения, 2000. С. 28—29.

нин восприняли позицию главы японского МИД совершенно однозначно: «В своем первом заявлении после начала германо-советской войны» Мацуока «заявил, что основой внешней политики Японии является трипартийный [= *тройственный* — Я.Ш.] пакт и, следовательно, если Германия обратится к Японии с просьбой, то последняя выступит против СССР». Поэтому это заявление не оставляло «никаких сомнений», что Япония с первых же дней советско-германской войны заняла «враждебную позицию» по отношению к СССР¹.

Это был крайне тревожный сигнал для Москвы. 29 июня на встрече с японским послом Татэкава Молотов вновь затронул вопрос о позиции Японии в отношении войны между СССР и Германией, однако посол ответил, что «еще не имеет об этом сообщения своего правительства», хотя «кабинет ежедневно заседает, стараясь найти какое-либо решение». Татэкава не лукавил, когда говорил Молотову, что «японское правительство находится в затруднительном положении в связи с тем, что возникла неожиданная и нежелательная ... ситуация», и что «японское правительство, очевидно, не было точно информировано» о решении Германии напасть на СССР, хотя и были соответствующие слухи. Примечательно, что при этом Татэкава, отставной военный, высказался о пакте заметно яснее главы японского МИД. Когда Молотов обратил внимание посла, что тройственный пакт «не затрагивает отношений каждого из участников этого пакта с СССР», поэтому у Японии нет обязательств выступить против Москвы, Татэкава ответил, что «он лично, и как посол», и «как один из тех, кто подписал пакт о нейтралитете, ожидает, что японское правительство будет соблюдать этот пакт», согласившись с мнением Молотова, «чтобы обе стороны воздерживались от шагов, способных ухудшить отношения между обеими странами»².

Как известно, в конце июня 1941 г. в ходе напряженных дискуссий в японском руководстве Мацуока выступил одним из главных апологетов скорейшего вступления в войну против СССР, несмотря на подписанный им самим пакт о нейтралитете. Однако 2 июля на совещании высшего руководства Японии³ было принято решение воздержаться от немедленного выступления, при этом продолжить тайную подготовку к войне против СССР (так называемый план *Кантокуэн*, «Особые учения Квантунской армии») и выжидать удобного момента для нападения, в зависимости от хода германо-советской войны⁴.

12 июля Мацуока отправил на имя Сметанина записку, в которой изложил японскую точку зрения о пакте о нейтралитете в условиях войны между СССР и Германией. В п. 1 утверждалось, что «пакт сохраняет свою силу, поскольку он не будет

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. ЛЛ. 79, 87.

² *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 24 (22 июня 1941—1 января 1942). Москва: Международные отношения, 2000. С. 66—68.

³ Протокол совещания: «Дзё:сэй ни суйи ни томонау тэйкоку кокусаку ё:ко:», годзэн кайги гидзироку [«Общие положения имперской политики в связи с развитием ситуации», протокол императорского совещания] 2 июля 1941 г. Кокурицу ко:бунсёкан, Адзиа рэкиси сирё: сэнта: [Государственный архив Японии, Японский центр азиатских исторических документов] (JACAR). Ref.C12120183800 (Национальный институт оборонных исследований, Министерство обороны Японии). <https://www.jacar.archives.go.jp/das/meta/C12120183800> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ Подробнее см.: [Lensen 1972; Хосоя 1963; Кудо 1985; Кошкин 1989; Славинский 1995; Молодяков 2004] и др.

противоречить тройственному пакту» в тех пределах, «в которых Япония должна уважать цели и дух тройственного пакта», при этом в п. 3. Мацуока заявил, что «в настоящее время Япония будет находиться в такой позиции, с которой она свободно, не связывая себя ни пактом о нейтралитете, ни тройственным ... пактом, сможет определить свою собственную политику»¹. Через несколько дней Мацуока потерял пост министра иностранных дел в ходе реорганизации кабинета Коноэ, однако перед этим от имени МИД выписал Японии индульгенцию на дипломатические шаги в любом направлении, «освободив» от обязательств по обоим договорам.

Разумеется, это вызвало протест советской стороны. 20 июля из посольства в Токио наркому Молотову был отправлен проект заявления, в котором от японских представителей в Москве предполагалось запросить разъяснений в связи с вышеупомянутой интерпретацией «совершенно точных обязательств Японии» из пакта с СССР. В документе указывалось, что из ст. 2 пакта о нейтралитете «совершенно точно и безоговорочно вытекает, что ни для Японии, ни для СССР не делается ни малейшего изъятия их обязательства соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта», и «безусловность обязательств» для обеих сторон «совершенно очевидна». Кроме того, приводились следующие аргументы: ст. 5 тройственного пакта отдельно оговаривала отношения с СССР, выводя их за рамки пакта; тройственный пакт являлся оборонительным союзом, однако именно Германия напала на Советский Союз, поэтому ситуация не подпадала под действие пакта. В итоге делался вывод, что война Германии с СССР не налагала на Японию никаких обязательств по тройственному пакту, в то время как пакт о нейтралитете являлся обязательным для обеих сторон, поэтому «советское правительство хотело бы надеяться, что и японское правительство придерживается аналогичной точки зрения»².

Одновременно с этим посольство подготовило список препятствий со стороны японских властей с просьбой принять меры. Так, работникам посольства не продавали билеты для поездок по стране и на материк, задерживали отправку телеграмм, обыскивали советских инженеров; несмотря на дипломатический статус, в Иокогаме был арестован и отправлен в тюрьму 3-й секретарь посольства Привалов; в помещении Торгпредства и токийского отделения Интуриста проникали посторонние лица. За дипломатами было усилено наблюдение, посольство около 20 дней не снабжали хлебом, не доставляли масло, сахар, соль, табак, отказывали в карточках³. Примечательно, что это заявление также предполагалось сделать не МИД в Токио, а через НКВД японскому посольству в Москве. Очевидно, из-за позиции, занятой японским внешнеполитическим ведомством после 22 июня, считалось эффективнее воздействовать на Японию через японских дипломатов в СССР. Ответы Татэкава на советские запросы были не такими враждебными, как у Мацуока. Нет никаких сомнений, что Малик, будучи советником посольства, активно участвовал в составлении вышеуказанных документов и, соответственно, в разработке политики на японском направлении.

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 24. П. 223. Д. 2. Л. 27.

² АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 24. П. 223. Д. 2. Л. 28—29.

³ Проект заявления советского правительства японскому посольству, отправлен из посольства в Токио заместителю наркома А.Я. Вышинскому // АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 24. П. 223. Д. 2. Л. 38—40.

18 июля 1941 г. был сформирован третий кабинет принца Коноэ Фумимаро (近衛文麿, 1891—1945). Новым министром иностранных был назначен адмирал в отставке Тоёда (Тойода) Тэйдзиро (豊田貞次郎, 1885—1961), который провел серию встреч с послами держав, включая Сметанина¹. Однако в Москве продолжали с тревогой смотреть в сторону Токио. 31 июля в беседе с личным представителем президента США Г. Гопкинсом (Harry Hopkins, 1890—1946) Молотов заявил, что позицию Японии в отношении СССР «нельзя считать ясной». Заявления бывшего главы МИД Мацуока относительно пакта о нейтралитете «совершенно неопределенны и ... не удовлетворяют советское правительство», но и новый «министр иностранных дел Тойода и премьер-министр Коноэ своими заявлениями не внесли ничего нового и не разъяснили позицию» Японии, поэтому «положение остается таким же неопределенным, каким оно было до последней перемены в японском правительстве»².

Вместе с тем, после отставки Мацуока в записках советских дипломатов появлялись положительные оценки ситуации. Анализируя перемены, Малик писал: «Внутриполитические изменения в стране, в результате которых ушел в отставку Мацуока, и усиление влияния хиранумовского лагеря с его политикой осторожности, благоразумия вообще и выжидания в отношении СССР в частности и с попытками компромисса с США, объективно оказалось выгодным[и] для СССР. Хотя лично Хиранума и является принципиальным врагом Советского Союза, но своей политикой он объективно сдерживал порывы экстремистов и военщины к немедленному выступлению против СССР»³.

Тем не менее, в Москве продолжали испытывать опасения в связи с «неопределенностью» японской позиции, а советские дипломаты в Токио по-прежнему пытались добиться от Японии гарантий по пакту о нейтралитете. Примечательно, что японские официальные лица также стали интересоваться позицией СССР относительно Японии. Это было связано как со сменой руководства МИД, так и с положением на фронтах, а также международной обстановкой. Германский блицкриг буксовал, делая для Японии туманными перспективы активных действий на севере, в то время как руководство империи склонялось к экспансии на юге. Однако начало оккупации японскими войсками Южного Индокитая вызвало новые санкции со стороны США и Великобритании. В этой обстановке в Токио стали проявлять заинтересованность в стабильности на северном направлении.

5 и 13 августа Сметанин встречался с Тоёда, который запросил посла о позиции СССР в отношении Японии, при этом особенно интересовался вопросом о предоставлении советской территории для военных баз государствам, враждебным Японии. 13 августа посол официально заверил главу японского МИД от имени советского правительства, что «СССР остается верным своим обязательствам в отношении пакта о нейтралитете и не войдет в соглашение с третьей страной, направленное против

¹ Кинохроника встреч главы МИД Тоёда с послами ведущих держав: «Ниппон ню:су, дай 60 го:» [«Японские новости, выпуск №60»], 29 июля 1941 г. // NHK а:кайбу [Архив телерадиокомпании NHK]. https://www2.nhk.or.jp/archives/movies/?id=D0001300445_00000&chapter=001 (дата обращения: 17.07.2025).

² ДВП. Т. 24. С. 206.

³ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 89.

Японии»¹. Это заявление стало важной точкой отсчёта, и в дальнейшем японские официальные лица неоднократно возвращались к нему.

Малик писал, что в период третьего кабинета Коноэ позиция Токио по отношению к Москве «сводилась к тому, что Япония будет соблюдать нейтралитет, если СССР не будет усиливать своих связей с США, направленных против Японии. В неофициальных беседах» также «высказывалось ряд пожеланий вроде прекращения Советским Союзом помощи Китаю и даже делались намеки на то, чтобы СССР признал правительство Ван Цзинвэя»². Помимо этого, высказывались пожелания «удовлетворительно разрешить все назревшие проблемы между СССР и Японией», в частности, чтобы Москва согласилась на ратификацию рыболовного соглашения и перестала мешать «японским концессионерам нормально проводить работу». Малик считал, что «позиция Тойода была хотя и несколько более положительной по сравнению с позицией Мацуока, но по-прежнему недостаточно определенная в смысле устойчивости во взаимоотношениях между двумя странами». Общую ситуацию советник резюмировал так: «Официальную позицию Японии в отношении СССР за период времени между уходом в отставку Мацуока и приходом к власти кабинета Тодзио (июль—октябрь 1941 г.) можно характеризовать как политику выжидания, вооруженного нейтралитета и военной подготовки, но без желания немедленно выступить на помощь Гитлеру», при этом не «выступать против СССР до тех пор, пока не будет явной и абсолютной уверенности в возможности успеха подобной авантюры».

В своих донесениях Малик также традиционно уделял большое внимание анализу прессы — очевидно, в том числе в силу опыта работы в отделе печати НКВД. Он отмечал, что в японских газетах и журналах наблюдалась кампания, обвинявшая СССР в том, он «объективно занимает враждебную позицию в отношении Японии». Пресса распространяла слухи о передаче Америке Камчатки, Владивостока и других дальневосточных территорий для строительства баз и т.д. Вместе с тем тон публикаций характеризовался отсутствием открытых «алармистских выпадов в отношении СССР», хотя и «с прямой моральной поддержкой Германии». Необходимо отметить, что в 15 августа 1941 г. был закончен процесс демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го, который был начат после окончания конфликта на Халхин-Голе в 1939 г. и продолжился, несмотря на вспыхнувшую советско-германскую войну. Это было позитивным сигналом для Москвы. Коммюнике об окончании работ по демаркации границы, опубликованное в разгар войны СССР — Германия, «было воспринято [японской. — Я.Ш.] прессой внешне благоприятно». Малик писал: «Подчеркивалась желательность того, чтобы СССР в таком же порядке урегулировал бы с Японией и все остальные вопросы, не обостряя с ней отношения и не поддаваясь на англо-американское коварство»³. Таким образом, советские дипломаты в Токио считали, что угроза со стороны Японии сохранялась, хотя и снизилась по сравнению с первыми неделями войны. При этом со стороны японских властных кругов и прессы на-

¹ Того Сигэнори 1996, с. 24; АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 24. П. 224. Д. 7. Л. 367—374.

² Ван Цзинвэй (汪兆銘, 1883—1944) возглавлял китайскую администрацию в оккупированной японцами части Китая.

³ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 90—92.

блюдались как тревожные, так и позитивные сигналы. Как представляется, в Москве вполне разделяли эту оценку.

16 октября 1941 г. правительство Коноэ подало в отставку, и 18 октября новый кабинет сформировал генерал Тодзио Хидэки. Япония продолжала переговоры с Вашингтоном, одновременно готовясь к войне с США и их союзниками в Азии. В этих условиях в Токио были прежде всего заинтересованы в советском невмешательстве в надвигающийся конфликт. Пакт о нейтралитете с СССР обретал дополнительную ценность для Японии.

Тем не менее, у советских дипломатов были иные оценки. По свидетельству Малика, после прихода к власти «военного кабинета Тодзио, в учете прежней выжидательной политики кабинета Коноэ и требований экстремистов и военщины еще при Мацуока о военном выступлении против СССР, от нового кабинета логически следовало ожидать решительных акций в отношении СССР, вплоть до вооруженного выступления. Однако международная и внутренняя обстановка для Японии сложилась так, что военному кабинету Тодзио пришлось взяться сперва за разрешение южной проблемы с тем, чтобы лишь после ее решения перейти к проблеме севера»¹.

Теперь известно, что на этом этапе переговоры с США и подготовка к войне вступали в завершающую фазу², и в Токио планировали удар на юг, а не на север, поэтому Малик переоценил опасность нападения со стороны Японии. Впрочем, надо принять во внимание крайне напряженную атмосферу неопределенности, царившую в советско-японских отношениях в первое время после нападения Германии на СССР, что не могло не повлиять на оценку ситуации. Этим можно объяснить и высокую степень настороженности относительно нового главы МИД Того Сигэнори, бывшего посла в Москве. Как пишет Малик, первое официальное заявление Того в беседе со Сметаниным «также не отличалось особой ясностью и четкостью. Хотя и было упомянуто о наличии пакта о нейтралитете, ... одновременно с этим было выставлено столько условий с неизменным «если», что вряд ли можно было сомневаться в том, что Япония по-прежнему занимает враждебно-выжидательную позицию. Одним из основных условий Того выдвигал непредоставление Советским Союзом Америке баз на Дальнем Востоке»³. Вместе с тем нельзя не согласиться с Б.Н. Славинским, который писал: «Война с США стояла на пороге. И для Токио наличие американских баз в Приморье или на Камчатке, с которых можно было бы бомбить территорию Японских островов с близкого расстояния, казалось кошмаром». Материалы встреч с Того в ноябре — начале декабря 1941 г. свидетельствуют, что главной задачей глава МИД видел добиться неучастия СССР в войне Японии против США на стороне последних, используя заинтересованность Москвы в пакте о нейтралитете.

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 93.

² Подробнее см.: Bōeichō bōeikensyūjō senshishitsu. (1974). *Senshi sōsho. Daihon'ei rikugunbu. Daitōa sensō kaisen keii №5* [Japan Self-Defense Force, National Institute for Defense Studies, War History Office. War History Series. Imperial General Headquarters, Army Section. The Background of the Outbreak of the Greater East Asia War, №5]. Tokyo: Asagumo shimbunsha. (In Japanese); Nihon kokusai seiji gakkai hencho. (1987b). *Taiheiyō sensō he-no michi — kaisen gaikōshi. 7. Nichibei kaisen*. [Japan Association of International Relations (Ed.). The Path to the Pacific war: A Diplomatic History of the Outbreak of War. 7. The Beginning of Japan-US war]. Tokyo: Asagumo shimbunsha. (In Japanese); [Iriye 1987] etc.

³ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 93.

22 и 28 ноября дел Того вызывал к себе Сметанина и несколько раз спрашивал его, изменил ли СССР свою позицию в отношении Японии после заявления советского правительства от 13 августа, особенно относительно намерения предоставлять базы для другого государства. Посол неизменно уверял Того, что «отношения между обеими странами базируются на Пакте о нейтралитете», обязательства по которому СССР выполняет в полной мере, и что он неоднократно беседовал на эту тему с Тоёда, вице-министрами Охаси, Амау и Ниси. Однако Того настоял на том, чтобы Сметанин запросил Москву и подтвердил это официальным ответом. 1 декабря 1941 г. советский посол попросил аудиенции у Того и зачитал ему официальное сообщение: «Советское правительство поручило мне заявить, что СССР не думает нарушать Пакт о нейтралитете и что мое заявление от 13 августа, сделанное бывшему министру Тоёда, остается в силе, конечно, при условии, что и Япония также будет соблюдать обязательства Пакта о нейтралитете с СССР». Того запросил подтверждения в письменном виде, но, когда Сметанин раздраженно отказался, ссылаясь на неоднократность заявлений, министр согласился, что вопрос «можно оставить и в таком виде»¹.

Малик хорошо понимал, что являлось приоритетом для Токио: «Было ясно..., что главной внешнеполитической причиной правительственного кризиса в Японии явилась не проблема советско-германской войны и японо-советских отношений, а вопрос об отношениях Японии с Америкой. Внимание японской дипломатии и военная подготовка после прихода к власти кабинета Тодзио направляется в эту сторону». «Проблема японо-советских отношений накануне войны с Америкой рассматривалась Японией лишь в свете обеспечения нейтралитета СССР. Японцы хотя и были уверены, что СССР, занятый войной в Европе, не выступит против Японии, однако начали усиленно добиваться от СССР подтверждения своих обязательств о соблюдении пакта о нейтралитете». Помимо этого, в Токио также интересовались ситуацией на фронте с Германией, а именно битвой под Москвой, которая приближалась к кульминации. Малик указывал, что «Того в конце ноября и в начале декабря в беседах с т. Сметаниным проявил необычный интерес к вопросу положения на фронтах». Во время аудиенции 1 декабря Сметанин пообещал подобрать материалы, чтобы ответить на этот вопрос. Следующая встреча состоялась 6 декабря. Накануне Красная армия начала контрнаступление под Москвой, и советские дипломаты излучали оптимизм. Главе МИД «было заявлено, что основная опасность в этой войне для СССР миновала, и Красная Армия переходит в решительное наступление в условиях наличия признаков начинающегося истощения Германии». Однако «Того в решительном тоне заявил, что с германской стороны он получил совершенно противоположную информацию»². Симпатии японского руководства были на стороне Германии, но для понимания реакции главы МИД важны временные рамки. Именно в это время японская эскадра в полной боевой готовности находилась вблизи Гавайских островов, приготовившись к атаке. На рассвете 7 декабря (8 декабря по токийскому времени) 1941 г. Япония атаковала Перл-Харбор, началась война на Тихом океане.

¹ Того Сигэнори 1996, с. 24—27; АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 24. П. 224. Д. 7. ЛЛ. 375—379; 387—393.

² АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 93—94.

4. Начало Тихоокеанской войны — посол в Токио (декабрь 1941 — июль 1942)

В феврале 1942 г. Малик, будучи уже поверенным в делах в Токио, отправил в Москву большой доклад под названием «Политобзор. Япония в 1941 году». Это был его дебют в качестве руководителя посольства. Непосредственно наблюдавший ситуацию своими глазами молодой дипломат описывал вступление Японии в войну следующим образом: «Удивление и растерянность широких народных масс и непосвященных во все коварные замыслы военщины представителей господствующих классов Японии, неоднократное подчеркивание в прессе того, что многие даже видные представители высших кругов Японии не желали войны с Америкой, дает известное основание полагать, что японская военщина, совершив коварное нападение на США и Англию, поставила страну перед совершившимся фактом. Так это или иначе, но теперь является вполне естественным, что все господствующие классы в стране, понимая весь масштаб и риск этой опаснейшей для Японии авантюры, стараются хотя бы внешне продемонстрировать свой патриотизм и поддержку правительства, создать внешнюю видимость полного единства во взглядах всех групп и течений правящей клики и сообща способствовать всеми силами и средствами для достижения поставленной цели. Исходя из того, что спорить не время»¹.

Несмотря на присутствие идеологических штампов, оценка ситуации в Японии в связи с началом войны на Тихом океане заслуживает особого внимания. Очевидно, что в тех условиях было невозможно декларировать иную интерпретацию, нежели как с позиции марксизма-ленинизма, однако, как представляется, в случае Малика это имело известные пределы. В частности, он уходит от привычной дихотомии «господствующие классы» vs. «народные массы» в оценке отношения японцев к началу войны, заявляя, что и во властной элите были серьезные группы, выступавшие против, и для которых, как и для простых японцев, война стала как минимум неприятной неожиданностью, если не шоком. Он также возлагает ответственность за втягивание страны в войну на конкретную элитную группу — военных, — которая «поставила страну перед совершившимся фактом». Безусловно, решение о начале войны принималось коллегиально и не только военными. Однако уместно сделать вывод, что взгляды Малика основывались во многом на реалистическом, нежели идеологическом («классовом») подходе — в духе Realpolitik, с известными поправками на советскую правящую идеологию.

Крайне любопытно, что подобный подход Малика становился объектом критики внутри НКВД. Так, в АВП РФ хранится отзыв заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского на записку Малика «К вопросу о японо-советских отношениях» (июль 1944 г.)², в котором отмечается, что «доклад представляет собой несомненный интерес», однако среди главного недостатка указано следующее: «Доклад описывает позиции Японии, не давая классового анализа борющихся сил внутри страны. За общими формулировками позиции Японии, политики Японии исчезают классы, исчезают загнанные в подполье партии, исчезает чрезвычайно

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 32—33.

² АВП РФ. Ф. 6 (Секретариат Молотова). Оп. 6. П. 58. Д. 803а. Л. 204—258.

острая борьба в руководящих верхах господствующих классов, не говоря уже о том, что совершенно исчезли рабочий класс и крестьянство Японии»¹. Подчеркивания в документе были сделаны синим карандашом, по нашему предположению, Молотовым. Однако очевидно, что аналитические способности Малика ценились высшим руководством и лично Сталиным, что обусловило бурный рост карьеры дипломата в последующие годы.

Вернемся к оценкам Малика положения в советско-японских отношениях после нападения Японии на США. Он отмечал разительные перемены в позиции Токио: «С первых дней войны на Тихом океане японцы во взаимоотношениях с нами сразу же вспыхнули неожиданным “уважением” к пакту о нейтралитете, начали подчеркивать свою корректность в отношении представителей нейтрального СССР, а в беседах с нами «всячески начали подчеркивать свое “миролюбие” в отношении СССР, нежелание идти на север, коль скоро на юге всего достаточно» и Япония будет всем обеспечена. Чувствовалось «нежелание Японии до поры до времени обострять отношения с СССР и не создавать себе еще одного, к тому же весьма опасного фронта». Активизировались персональные контакты: «Начиная с Мацуока, который настоятельно приглашал “на чашку чая” посла т. Сметанина, почти все наши “старые знакомые” вспомнили вдруг о нашем существовании, начали проявлять желание с нами встречаться, приглашать к себе на обеды, охотно принимать наши ответные» приглашения. Японская пресса и «афишировала заявление т. Лозовского о сохранении нейтралитета Советским Союзом на ближайшее время», и тревожилась относительно позиции СССР. Малик писал, что японцы «нервно реагировали» на некоторые официальные сообщения, особенно на заявления Литвинова в США².

Тревогу японской стороны вызвала передовица в «Правде», озаглавленная «Война на Тихом океане». В ней, в частности, писалось, что 7 декабря японцы «напали вероломно, без предупреждения» на владения США и Великобритании; что «агрессия была заранее тщательно подготовлена», а переговоры накануне «явно имели своей целью замаскировать подготовку этого вероломного нападения». Проводились прямые параллели с нападением Германии на СССР: «Япония действовала по методу, хорошо известному светскому народу из опыта войны с кровавым Гитлером, который так же вероломно, по-разбойничьи напал на Советский Союз», и поэтому «совершенно очевидно, что ... Япония является безусловно агрессором, а Соединенные Штаты и Великобритания явились жертвами предумышленной и заранее подготовленной агрессии». В заключение делался вывод, что «первые успехи Японии ничего не решают. В дальнейшем резервы Японии в этой войне будут истощаться, а резервы Америки будут возрастать. Именно это определит исход войны. Япония бесспорно потерпит поражение»³. Подобная статья не могла появиться без санкции сверху, чего не могли не понимать в Токио. Более того, можно с уверенностью сказать, что статья отражала мнение руководства СССР. Так, 17 декабря 1941 г. в беседе с министром иностранных дел Великобритании Энтони Иденом (Anthony Eden, 1897—1977) Сталин высказал мнение, что «Япония, конечно, может иметь там некоторые первона-

¹ АВП РФ. Ф. 6 (Секретариат Молотова). Оп. 6. П. 58. Д. 803а. Л. 259.

² АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. ЛЛ. 94—95, 114.

³ Правда. 12 декабря 1941 г.

чальные успехи, но что в конечном итоге ... должна потерпеть крах»¹, что созвучно выводу статьи в «Правде».

Сразу после начала войны Того вызвал Сметанина и проинформировал его о том, что Япония находится в состоянии войны с США и Великобританией, попросив передать это заявление в Москву². При этом министр сказал: «Самое главное в сегодняшней беседе состоит в том, что между Японией, с одной стороны, и Америкой и Англией — с другой, имеется состояние войны, и я желал бы, чтобы посол об этом доложил своему правительству... Но это нисколько не повлияет и не изменит взаимоотношения между Японией и СССР. Об этом я хочу заявить особо. Советская сторона относительно этого также заявила, что она будет соблюдать Пакт о нейтралитете между обеими странами... Японская сторона, в свою очередь, будет соблюдать Пакт о нейтралитете». Сметанин подытожил беседу так: «Я принимаю к сведению заявление министра о том, что война с США и Англией «никакого влияния не окажет на отношения между Японией и СССР, и что Япония по-прежнему будет соблюдать Пакт о нейтралитете». Того ответил: «Я заявил таким образом, что советская сторона будет соблюдать Пакт о нейтралитете, и что советское правительство подтвердило заявление, сделанное 13 августа... Вот именно с этой частью мое заявление будет полным, и я желаю, чтобы г-н посол мое заявление передал полностью, а не часть его» [Того 1996, с. 27—29]. Примечательно, что сначала Того упомянул об обещаниях *обеих* сторон соблюдать пакт, а Сметанин подчеркнул только обязательства Японии, на что Того вынужден был внести правку, напомнив об обязательности пакта и для СССР. Такого рода пинг-понг был характерен для обеих сторон — в донесениях Малика регулярно фигурировали обвинения в односторонности в адрес японских официальных лиц³, однако таким подходом грешила и советская сторона.

22 января 1942 г. состоялась еще одна встреча с Того. Для Сметанина она стала последней — его отзывали в Москву⁴. На этой встрече Малик был представлен как поверенный в делах СССР в Токио.

Того снова заговорил про важность пакта о нейтралитете как основы взаимоотношений между СССР и Японией, и что даже война с США и Англией «нисколько не

¹ *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 24 (22 июня 1941—1 января 1942). Москва: Международные отношения, 2000. С. 523.

² В Москве с соответствующим заявлением 9 декабря выступил посол Татэкава, попросивший аудиенции у заместителя наркома А.Я. Вышинского. См.: *Документы внешней политики* (ДВП). Т. 24 (22 июня 1941—1 января 1942). Москва: Международные отношения, 2000. С. 487—488].

³ Например, Малик обращал внимание на заявления премьера Тодзио и главы МИД Того на 77-й и 78-й чрезвычайных сессиях парламента, из которых следовало, что «основой политики Японии в отношении СССР является — «обеспечение безопасности границ на севере». Не упоминая об обязательствах Японии, вытекавших из пакта о нейтралитете с СССР, Того вместе с тем категорически подчеркивал, что СССР со своей стороны неоднократно давал обещания соблюдать пакт о нейтралитете». И это выглядело так, как будто пакт носил «лишь односторонний характер», и обязательства существовали только для СССР, а Япония лишь «по-прежнему придерживается подозрительной политики «обеспечения безопасности на севере» // АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 95—97.

⁴ Решение о смене посла было принято не сразу. Еще в февральском отчете в Москву Малик писал, что на 1 февраля 1942 г. в советской колонии в Токио было 56 человек, включая посла, который был в командировке в СССР // АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 112.

повлияет на взаимоотношения с Советским Союзом». Однако при этом глава МИД по-прежнему предостерегал Москву от заключения союза против Японии и предоставления третьим странам баз для ударов по Японии: «СССР обещал, что этого не будет и никакого изменения при этом не должно быть». Со своей стороны Того сообщил про заключение военного соглашения с Германией и Италией, однако подчеркнул, «что это соглашение относится только к тем странами, с которыми три страны, подписавшие это соглашение, ведут общую войну». Сметанин принял к сведению заявление министра и спросил его мнение о выполнении обещаний по ликвидации концессий на Сахалине. Однако Того снова пустился в рассуждения про пакт: «Я убежден, что пакт о нейтралитете существует свято и непоколебимо, и заявление советского правительства от 1 и 6 декабря нисколько не изменилось». Сметанин повторил, что он хочет узнать про Северный Сахалин, а именно про конкретное обязательство Мацуока, закрепленное в письме. Однако Того вновь заявил, что эти два вопроса — пакт и концессии — не связаны, а «пакт о нейтралитете существует свято и нерушимо». Когда Сметанин еще раз спросил про обязательство о ликвидации концессий, Того продолжил: «Я хочу ясно поставить и подчеркнуть, что пакт о нейтралитете свято существует», и что обязательства СССР сохраняют силу. И только потом упомянул, что знает про зафиксированные в письме обещания Мацуока, однако у него пока не было возможности для изучения вопроса. И тут же подчеркнул: предыдущий глава МИД Тоёда уже говорил советской стороне, что «обстоятельства изменились с тех пор», когда про это говорил Мацуока, потому министр «просил, чтобы советское правительство вновь обдумало это, учтя также и изменение обстановки»¹. Мы видим, что, с одной стороны, Япония действительно не хотела претворять в жизнь данные обещания по закрытию концессий. С другой стороны, советские представители весьма настойчиво поднимали этот вопрос, и даже можно сказать, что оказывали давление на Того. Это свидетельствовало о возросшем уровне их уверенности в своем положении.

Встреча 22 января 1942 г. примечательна еще и тем, что на ней японская сторона впервые выдвинула предложение о мирном посредничестве между СССР и Германией. Того упомянул, что из-за их войны Токио находится «в весьма деликатном положении», так как «Япония является дружественным государством для Советского Союза» в связи с пактом о нейтралитете (sic!), но, с другой стороны, у нее союзные отношения с Германией. Сметанин говорил об успехах Красной Армии, но и Германия тоже готовится к большому весеннему наступлению, поэтому Того отметил, «что если в будущем будут какие-либо признаки или пожелания того, что хорошо было бы, если бы Япония выступила в той или иной форме, но в таком случае я нисколько не пожалею моего труда в этом отношении». Глава японского МИД подчеркивал, что «германская сторона никаких поручений мне не говорила». Того не лукавил, это действительно было во многом его личной инициативой.

Реакция советских дипломатов была весьма прохладной. Сметанин рассказал про обстановку на фронте и наступление Красной Армии, подчеркнув, что германская армия истощается, и что она «не в состоянии была нанести решающего удара». Посол пообещал передать Молотову «личную мысль господина министра и его предложение о посредничестве», однако заявил при этом: «Что же касается каких-либо пе-

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 122—128.

реговоров, то я лично полагаю, что вести переговоры с вероломным гитлеровским правительством, коварно обманувшим СССР и вероломно нарушающим свои международные обязательства, нет никакой возможности». Это вполне соответствовало настроениям в Кремле — в результате успешного контрнаступления под Москвой перспективы войны виделись оптимистичными.

Того, впрочем, продолжил настаивать на своем предложении. Вновь упомянув, что Гитлер весной предпримет большое наступление, министр заявил: «У меня в настоящее время... не имеется реального намерения выступить с посредничеством. И я лишь говорю, что если в будущем» будет признано желательным, чтобы «Япония выступила посредником», то сам он готов. Однако Сметанин завершил дискуссию: «Я полагаю, что советско-германская проблема будет решаться все же на фронте»¹.

Известно, что идея о мирном посредничестве между Германией и СССР неоднократно обсуждалась в японском руководстве. В ноябре 1941 г., в разгар наступления на Москву, на Совещании императорской ставки и правительства (*Дайхонъэй сэйфу рэнраку кайги*, 大本營政府連絡會議) было решено попытаться «установить мир» между Германией и СССР «в зависимости от их намерений», привлечь Москву в лагерь стран оси, а также урегулировать японо-советские отношения. После начала войны на Тихом океане Того активно выступал за посредничество между Берлином и Москвой, и этот вопрос продолжал обсуждаться на заседаниях японского руководства — к примеру, на аналогичном Совещании 10 января 1942 г., — однако конкретных шагов принимать не стали (решено было только, «сохраняя спокойствие в отношениях между Японией и Советским Союзом, предотвращать укрепление связей между СССР и США с Великобританией, и по возможности способствовать отчуждению между ними»). В марте 1942 г. Совещание постановило, что «в нынешней ситуации посредничество в установлении мира между Германией и Советским Союзом не должно предприниматься», что, по замечанию военного историка Сёдзи Дзюньитиро, было связано с позицией армии, которая как продолжала лелеять «мечту» о войне с СССР, так и в то же время опасалась, что германо-советский мир возродит для Японии угрозу с севера² [Shoji 2010, p. 125].

Как бы то ни было, встреча 22 января 1942 г. стала важным рубежом. Как писал Малик, в речи Того обращали на себя внимание «необычная конкретность и четкость заявлений и ответов в отношении обязательств Японии, вытекающих из пакта о нейтралитете». «От японского правительства получены относительно конкретные заявления о его политике в смысле его более устойчивой позиции в отношении СССР на некоторый относительный срок в будущем. Тем более, что подобное заявление после начала германо-советской войны делается впервые. Нынешнее заявление Того можно также рассматривать и как дезавуирование заявления, сделанного вскоре после

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 129—131.

² Bōeichō bōeikensyūjō senshishitsu. (1968). *Senshi sōsho. Daihon'ei rikugunbu. №2 (Shōwa 16 nen 12 gatsu made)* [Japan Self-Defense Force, National Institute for Defense Studies, War History Office. War History Series. Imperial General Headquarters, Army Section. №2. (Until December 1941)]. Tokyo: Asagumo shimbunsha. P. 642—644 (In Japanese); Bōeichō bōeikensyūjō senshishitsu. (1970). *Senshi sōsho. Daihon'ei rikugunbu. №3. (Shōwa 17 nen 4 gatsu made)* [Japan Self-Defense Force, National Institute for Defense Studies, War History Office. War History Series. Imperial General Headquarters, Army Section. №3. (Until April 1942)]. Tokyo: Asagumo shimbunsha. P. 246—248 (In Japanese).

начала германо-советской войны Мацуокой» (о приоритете союза с «осью» и Тройственного пакта перед пактом о нейтралитете).

Общая обстановка встречи также была оценена положительно: «Вопреки обычаю, прием посла был устроен с чаем, а по окончании беседы министр проводил посла до машины». «Того вел беседу в весьма спокойном и корректном тоне. Несколько раздраженно он повысил голос лишь в тот момент, когда на вопрос т. Сметанина» по концессиям он «или не поняв..., или стараясь увильнуть от ответа на этот вопрос, начал с жаром доказывать, что пакт о нейтралитете является святой и нерушимой основой отношений между двумя странами, и [что] его необходимо выполнять свято и нерушимо». Очевидно, что вопрос о пакте являлся главным предметом интереса для Того, о чем также свидетельствовали «многократные повторения и ссылки» на заявления советской стороны о его соблюдении¹. На этот момент позиции сторон по поводу важности пакта совпадали, хотя и в силу разных причин.

Тем не менее, весной 1942 г. советские дипломаты так же критически оценивали курс Японии в отношении СССР. Малик писал, что позиция Токио «по-прежнему является не вполне устойчивой и недостаточно определенной». С одной стороны, отмечалось «подчеркивание “миролюбивых” и “дружественных” отношений Японии к СССР» в беседах с японцами, с другой стороны, в прессе «не угасал огонь антисоветской враждебности». Циркулировали слухи о подготовке Японии к нападению на СССР, что «Япония должна выступить против СССР в случае поражения Гитлера в его весеннем наступлении». Военный атташе И.В. Гущенко приводил сведения о военной подготовке Японии. Малик делал вывод: «Япония пока по-прежнему до поры до времени не желает открыто обострять своих отношений» с Москвой, но одновременно с этим «систематически продолжает скрытую военную подготовку против СССР и поддерживает внутри страны враждебный дух и чувство тревоги среди народных масс в отношении» Советского Союза. Миролюбивым заявлениям японцев категорически не верили — считалось, что это «вплоть до момента принятия окончательных решений о сроке и методе выступления против СССР», а сами сроки зависят от положения на южных и китайских фронтах, от советско-германской войны и других военно-стратегических факторов. Пакт о нейтралитете, иными словами, никак не гарантировал от нападения. Ключевым было военное сдерживание: «Японцы бесспорно беспокоятся и нервничают по поводу возможности удара с севера»².

Подобные оценки приводились и в докладах конца лета 1942 г. Малик писал: «Итак, Япония готова, но выступать против СССР пока не спешит». Было «страстное желание поживиться за счет СССР» и устранить нависшую с севера угрозу, но в Токио боялись советско-американского удара по Японии с воздуха. Также примечательно, что несмотря на начало германского наступления и серию неудач Красной Армии, отмечалось, «что яп[онская] пресса теперь в своих комментариях и “прогнозах” проявляет совсем необычную сдержанность и осторожность», отмечая трудность предсказать исход войны, что контрастировало с благожелательными для Германии прогнозами за год до этого, в 1941 г.³

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 131—134.

² АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. ЛЛ. 137—148, 152.

³ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. ЛЛ. 301, 318.

Таким образом, неизменно поднимая вопрос о соблюдении пакта о нейтралитете перед японской стороной, советские дипломаты считали, что главной гарантией от нападения со стороны Японии был фактор вооруженной силы, а именно возможность ответного удара со стороны СССР. В этой связи уместно привести оценки Малика относительно причин, почему Япония не присоединилась к войне Германии против СССР в 1941 г., несмотря на давление из Берлина¹.

Малик считал, что на это имелись три основные причины. Во-первых, Япония понимала «свою относительную отсталость в сухопутных вооружениях по сравнению с СССР» после конфликта на Халхин-Голе («уроки Номонхана»). Во-вторых, японцы не желали также способствовать безмерному усилению «мирового господства» Гитлера и «отнюдь не радовались перспективе иметь его своим соседом». И, наконец, в-третьих, в условиях экономической блокады «Япония реально отдавала себе отчет в том, что даже в случае успеха (что весьма сомнительно) — ни Приморье, ни советские дальневосточные территории не давали Японии того важнейшего сырья, в котором она испытывает столь острый недостаток». По свидетельству советского дипломата, за полтора года с момента падения Бельгии, Голландии и Франции японская пропаганда и правители ежедневно внушали японцам, что «только экспансия на юг» и включение района южных морей в сферу процветания «может сделать Японию богатой и... экономически независимой». К тому же японское руководство хорошо знало неподготовленность американцев и англичан к войне, было знакомо с театром войны, а также совершенно спокойно за свой северный тыл, будучи уверенным, что СССР, занятый тяжелой борьбой с Германией, не пойдет на Японию. При этом Малик высказывал мысль, что захват юга являл собой обеспечение доступа к ресурсам «для дальнейшей борьбы против СССР», поэтому японская экспансия рассматривалась в виде поступательного движения: «сперва на юг, а затем — на север», чтобы на новой базе можно было «выступить против СССР на помощь Гитлеру»².

Если убрать за скобки некоторые детали, в целом Малик смотрел в корень. Поражение на р. Халхин-Гол действительно стало значительным потрясением для японской армии, обнаружив отсталость в вооружениях и тактике и поколебав решимость воевать с СССР. Была начата работа над ошибками, однако, как пишет Тобэ Рёити, «даже если бы удалось полностью реализовать скорректированный пятилетний план, который предполагалось запустить с 1940 г., Япония имела бы лишь 70% от уровня военной мощи, который требовался ей для ведения боевых действий против СССР. Более того, для реализации этого плана требовалось изыскать дополнительные средства, высвобожденные за счет вывода крупных воинских контингентов из Китая. Таким образом, возможностей воевать против СССР у Японии не было» [Тобэ 2015, с. 375]. События на Халхин-Голе повлияли на то, что армейское командование поддержало бросок на юг и начало боевых действий против США [Goldman 2012 etc.], хотя армия традиционно выступала за экспансию на север и, соответственно, видела

¹ Малик писал: «Японцы утверждают, что ... Гитлер через своих дипломатов в Токио около десятка раз обращался к японцам с требованием выступить против СССР», но японцы на это «якобы не соглашались» // АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 33—35.

² АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 131—134.

противником России/СССР. В сложившейся обстановке именно ресурсы на юге — прежде всего, нефть, каучук и т.д. — являлись приоритетом для японского руководства. Что, разумеется, не исключало решительных действий на советском направлении в случае фатального поражения СССР от Германии — но не ранее этого.

В заключение хотелось бы упомянуть о рассуждениях Малика про отношения в треугольнике СССР, Япония и союзники (США и Великобритания). Он неоднократно приводил сведения о том, что в Японии твердили о противоречиях между Москвой с одной стороны, и Вашингтоном с Лондоном с другой, рассчитывая воспользоваться этим на заключительной стадии войны. Например, японская пресса писала: СССР не будет «таскать каштаны из огня для Америки и Англии на Тихом океане». По мнению Малика, это «является отражением мысли Японии о том, что на случай разгрома Гитлера в Европе для закрепления хотя бы части своих захватов на юге целесообразно сохранить мирные отношения с Советским Союзом в расчете на возможность возникновения в будущем после разгрома Гитлера, а также на послевоенной мирной конференции противоречий между СССР и англо-американцами». В другом контексте Малик писал, что в будущем, при понимании неизбежности гибели Германии, «Япония держит в своем дипломатическом портфеле и крайнюю акцию» на черный день, чтобы сыграть на противоречиях между союзниками¹, и предполагал, что в Токио со временем смогут переосмыслить внешнеполитический курс «вплоть до переориентации своей политики в отношении» Москвы, «чтобы прибегнуть к посредничеству СССР для восстановления мира между Японией и США»². Что и произошло — как известно, в 1945 г. в Токио действительно возлагали надежды на противоречия между союзниками, а также попытались добиться посредничества со стороны Москвы, хотя и безуспешно.

28 мая 1942 г. Малик был официально назначен послом СССР в Японии. Аудитория у императора с вручением верительных грамот состоялась 8 июля 1942 г. Присутствовали глава МИД Того, министр двора Мацудайра Цунэо (松平恒雄, 1877—1949), главный церемониймейстер двора граф Мацудайра Ёситами (松平慶民, 1882—1948), принц Микаса (三笠宮崇仁親王, 1915—2016) и другие официальные лица. Вот, как сам посол описывал церемонию: «Император, обратившись ко мне, сказал, что он рад моему назначению, пожелал мне здоровья, высказал удовлетворение тем, что я давно в Японии и знаю эту страну, что будет способствовать совместной с ним работ[е] в интересах обеих стран», а также заявил: «я буду прилагать усилия к тому, чтобы между нашими странами были дружественные отношения». Хотя Малик подчеркивал, что это «обычная, ни к чему не обязывающая форма выражения японской вежливости», общее впечатление было позитивным: «японцы, видимо, желали создать внешнюю видимость того, что они принимают нового советского посла хотя и снисходительно, но хорошо», да и «было заметно, что японцы стремятся как можно быстрее ускорить вручение советским послом верительных грамот» и «в пику Америке продемонстрировать “интимность” отношений между СССР и Японией». Главный церемониймейстер Мацудайра сказал Малику: «Вся церемония при вручении верительных грамот прошла хорошо». И отметил при этом: «Вы теперь самый моло-

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. ЛЛ. 134, 148.

² АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 4. Л. 47.

дой посол в дипкорпусе». Малик отшутился: надеюсь, что «я пробуду в Японии послом так долго, что смогу стать самым старым послом в дипкорпусе»¹. Карьера 36-летнего дипломата перешла к новой стадии.

Заключение

Таким образом, Я.А. Малик стал первым послом в Токио, профессиональная карьера которого началась именно с японского направления. Воспитанный в рамках советской системы и остававшийся лояльным ей, Малик был не только исполнительным, но и амбициозным дипломатом, а также довольно проницательным аналитиком. Его докладные записки в целом отличались реалистичным пониманием обстановки без глубокого крена в идеологию. Последнее, как было показано выше, вызывало критику внутри НКВД, однако способности молодого дипломата обусловили его рост по карьерной лестнице.

После назначения на должность посла Малик продолжил расти, как эксперт, к которому прислушивались в Кремле. Его доклады читались на самом верху, а в 1944—1945 гг. он дважды вызывался к Сталину: 16 августа 1944 г., когда в Москве продумывали шаги на японском направлении к концу войны, и 17 декабря 1945 г., после победы в войне и успешного окончания работы в должности посла в Токио [На приеме у Сталина, с. 439, 464]. Соображения Малика созвучны многим шагам Москвы на японском направлении, а в ряде случаев они, вероятно, служили если не обоснованием, то важным аргументом в пользу того или иного решения. Так, в июле 1944 г., еще задолго до финальной стадии войны, когда советское руководство решило ввести Японию в заблуждение относительно своих намерений, Малик писал следующее: «Может быть, было бы даже целесообразно создать впечатление у японцев, что их предложение о переговорах с СССР об урегулировании пограничного и торгового вопросов тщательно изучается советской стороной... В дипломатическом общении с японцами соблюдать по-прежнему импонирующую им внешнюю учтивость и вежливость. Поддерживать у них надежду и желание на будущее укрепление отношений с СССР и в разговорах не отвергать эту идею»². Подчеркивания синим карандашом здесь также сделаны, по нашему предположению, Молотовым, и мы знаем, что именно такая позиция в итоге была занята советским руководством. Поэтому Малика можно назвать если не архитектором, то соавтором подобного подхода к Японии.

Необходимо отметить важную особенность аналитических записок Малика. Наряду с весьма точными и примечательными суждениями, они полны высокой степени подозрительности и недоверия практически к любым словам и действиям японских официальных лиц. Подобных примеров множество. Так, описывая встречу с Того 22 января 1942 г., Малик признавал, что позиция Японии теперь «выглядит несколько более определенно и членораздельно», но тут же делал оговорку: «Однако история и факты последних лет учат нас никогда не верить полностью японцам и всегда подвергать сомнению их “добропорядочность”»³. Примечательно описание аудиен-

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 334—338.

² АВП РФ. Ф. 6 (Секретариат Молотова). Оп. 6. П. 58. Д. 803а. Л. 225.

³ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 98—99.

ции у императрицы осенью 1942 г. Признавая, что это имело «важное политическое значение» для японского общественного мнения, Малик отметил, что «императрица в беседе со мной неожиданно выразила надежду на сохранение и дальнейшее развитие хороших отношений между нашими странами». Упомянув здесь же, что глава МИД Того неоднократно заявлял ему, что «мир между нашими странами может явиться основой мира во всем мире», советский посол делал совершенно пристрастный вывод: «Все эти слухи и нынешние проявления “мирных намерений” Японии свидетельствуют о том, что японцы прилагают немало усилий к тому, чтобы подчеркнуть и внушить нам мысль о своих “благих намерениях” в отношении СССР». И далее: «Если бы все это имело место при других условиях и обстоятельствах или со стороны другой страны, то... все это и можно было бы, пожалуй, принять полностью за чистую монету. Однако, зная присущее японцам коварство и лицемерие, и учитывая, что они неоднократно применяли подобную “мирную” тактику для введения в заблуждение своих противников (в частности, упорно внушали мысль о “мире” Америке накануне своего коварного нападения на Пирл-Харбор), следует ко всем этим “мирным жестам” относиться весьма осторожно и настороженно», так как они, вероятно, просто «маскируют свои враждебные антисоветские намерения». И, наконец, комментируя статью в японской прессе, в которой говорилось, «что Япония и Россия поддерживают дружественные отношения на основе пакта о нейтралитете», Малик не стеснялся в выражениях: «Поистине надо обладать японским коварством и лицемерием, чтобы подобным термином характеризовать японо-советские отношения. Однако объективная обстановка... вынуждает Японию прибегать к подобному приему. У японцев, как известно, ... вполне уживаются враждебное существо политики с “дружественной” фразеологией»¹.

Необходимо подчеркнуть, что подобное восприятие Японии, с глубоким недоверием и подозрительностью, было характерно не только для Малика, но и для многих советских дипломатов. И, самое главное, это отражало взгляд руководства страны. Негативный образ Японии получил широкое распространение среди советской номенклатуры того времени, но прежде всего, он доминировал у самого Сталина, а «именно его представления и его мировоззрение определяли советско-японские отношения» [См.: Ложкина 2011]. Трудно судить, в какой степени Малик, несмотря на свою молодость, обладавший проницательностью и бюрократическим чутьем, разделял эти установки. Однако можно констатировать, что его доклады в полной мере резонировали с ними.

В заключение хотелось бы привести оценку Малика относительно общего положения в советско-японских отношениях на 1942 г. Акцентируя внимание на японском руководстве, посол писал: «Правящая клика Японии почти единодушно считает, что столь коренные расхождения интересов Японии и Советского Союза абсолютно исключают установление между обеими странами добрососедских, нормальных, а тем более дружественных отношений. В силу этого отношения между двумя странами носят сугубо компромиссный, непрочный и неустойчивый характер и базируются исключительно на соотношении сил (подчеркнуто нами. — Я.Ш.)... Малейшее ослабление наших сил на Дальнем Востоке или даже простой повод к тому, чтобы у японцев поя-

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 4. ЛЛ. 43—49, 133.

вилась иллюзия об ослаблении СССР, неизбежно повлечет за собой усиление желания со стороны Японии попытаться разрешить с помощью силы эти непримиримые противоречия между СССР и Японией. Такова общая оценка основы японо-советских отношений»¹. Как представляется, именно так виделась ситуация и из Кремля.

Библиографический список

Воробьева Т.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. в современной отечественной историографии. *Вестник ВятГУ*. 2010. № 2(1). С. 25—38.

Дегтев И.А. Япония в оценках советского руководства и дипломатов 1940—1945 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации). *Японские исследования*. 2021. № 4. С. 34—47.

Дегтев И.А. От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941). *Японские исследования*. 2025a. № 2. С. 5—20.

Дегтев И.А. Режим пребывания советских дипломатов в Японии во второй половине 1938—1939 гг. *История и культура Японии*. Вып. XII (LXXXIII). Москва. 2025b. С. 60—68.

Дипломатический словарь. Под ред. А.А. Громыко. Т.1. А-И. Москва: Наука, 1985.

Дипломатический словарь. Под ред. А.А. Громыко. Т.3. С-Я. Москва: Наука, 1986.

Ефимов М.Б. Послы России в Японии (XIX—XX века). Москва: Ветеранские вести, 2025.

Ёкотэ Синдзи. И.М. Майский в Японии в 1927—1929 гг. *Русский сборник: исследования по истории России*. Т. IX. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров. Москва: Регнум, 2010. С. 220—242.

Залеский К.А. Империя Сталина. *Биографический энциклопедический словарь*. Москва: Вече, 2000.

Зонова Т. Кровавая волна репрессий советских дипломатов. *РСМД*. 29.09.2017. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krovavaya-volna-repressiy-sovetskikh-diplomatov/> (дата обращения: 05.07.2025).

Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. Москва: Мысль, 1989.

Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931—1939). Lambert Academic Publishing, 2011.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. Москва: Вече, 2004.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.): Справочник. Авт.-сост. А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. Москва: Новый хронограф, 2008.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т.3. Биографии министров иностранных дел. 1802—2002 гг. Редкол. А.Ю. Мешков (отв. ред.) [и др.]. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2002.

Рудницкий А. Уинстон Черчилль — Федор Гусев: Тост для двоих. *Родина*. № 3. 05.03.2021. <https://rodina-history.ru/2021/03/05/protivostoianie-premer-ministra-velikobritanii-i-sovetskogo-posla-v-londone.html> (дата обращения: 15.10.2025).

¹ АВП РФ. Ф. 0146 (Референтура по Японии). Оп. 25. П. 238. Д. 3. Л. 81.

Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945 гг. Москва: Новина, 1995.

Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». Москва: Новина, 1996.

Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937—1945. Москва: Япония сегодня, 1999.

Соколов В.В. Посол СССР Ф.Т. Гусев в Лондоне в 1943—1946 годах. *Новая и новейшая история*. 2005. № 4. С. 102—128.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. Введение Б.Н. Славинского; предисловие Того Кадзухико. Москва: Новина, 1996.

Тобэ Рёити. Политика Японии в отношении Советского Союза в 1931—1941 гг.: проблема японо-советского пакта о ненападении. *Российско-японские отношения в формате параллельной истории* / под общ. ред. А.В. Торкунова и М. Иокибэ. Москва: Издательство МГИМО-Университет, 2015. С. 359—389.

References

Degtev, I.A. (2021). Yaponiya v otsenkakh sovetskogo rukovodstva i diplomatov 1940—1945 gg. (po materialam Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi Fedefatsii) [Japan in the Assessments of the Soviet Leadership and Diplomats in 1940—1945 (Based on Materials From the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 25—38. (In Russian).

Degtev, I.A. (2025a). Ot sobytii na Khalkin-Gole do pakta o neitralitete: otnosheniya mezhdru SSSR i Yaponiei v doneseniakh sovetskikh diplomatov v Tokio (1939—1941) [From the Khalkhin Gol Events to the Neutrality Pact: Relations Between the USSR and Japan in the Reports of Soviet Diplomats in Tokyo (1939—1941)]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 5—20. (In Russian).

Degtev, I.A. (2025b). Rezhim prebyvaniya sovetskikh diplomatov v Yaponii vo vtoroi polovine 1938—1939 gg. [The Regime of Stay of Soviet Diplomats in Japan in the Second Half of 1938—1939]. In *Istoriya i kultura Yaponii* [History and Culture of Japan], XII (LXXXIII) (pp. 60—68). (In Russian).

Diplomaticheskii slovar'. T.1. A-I. (1985). [Diplomatic Dictionary. Vol. 1. A-I]. Ed. by A.A. Gromyko. Moscow: Nauka. (In Russian).

Diplomaticheskii slovar'. T.2. S-Ya. (1986). [Diplomatic Dictionary. Vol. 1. S-Ya]. Ed. by A.A. Gromyko. Moscow: Nauka. (In Russian).

Koshkin, A.A. (1989). *Krakh strategii "speloi khurmy": Voennaya politika Yaponii v otnoshenii SSSR, 1931—1945 gg.* [The Collapse of the "Ripe Persimmon" Strategy: Japan's Military Policy Toward the USSR, 1931—1945]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2011). *Obraz Yaponii v sovetskom obshchestvennom soznanii (1931—1939)* [The Image of Japan in Soviet Public Consciousness (1931—1939)]. Lambert Academic Publishing. (In Russian).

Molodyakov, V.E. (2004). *Nesostoyavshayasya os': Berlin-Moscow-Tokyo* [The Failed Axis: Berlin-Moscow-Tokyo]. Moscow: Veche. (In Russian).

Na prieme u Stalina. Tetradi (zhurnaly zapisei lits, prinyatykh I.V. Staliny (1924—1953 gg.). (2008). [At Stalin's Cabinet. Notebooks (Journals) of Persons Received by I.V. Stalin (1924—1953)]. Compiled by A.V. Korotkov, A.D. Chernev, A.A. Chernobaev. Moscow: Novyi Khronograf. (In Russian).

Ocherki istorii ministerstva inostrannykh del Rossii. (2002). T.3. Boigrafii ministrov inostrannykh del. 1802—2002 gg. [Essays on the History of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Vol. 3. Biographies of Foreign Ministers. 1802—2002]. Ed. by A.Yu. Meshkov et al. Moscow: OLMA Media Group. (In Russian).

Rudnitsky, A. [2021]. Uinston Cherrhill — Fyodor Gusev: tost dlya dvoikh [Winston Churchill — Fyodor Gusev: A Toast for Two]. *Rodina*, 3, March 5, 2021. Retrieved October 15, 2025, from <https://rodina-history.ru/2021/03/05/protivostoianie-premer-ministra-velikobritanii-i-sovetskogo-posla-v-londone.html>. (In Russian).

Slavinskii, B.N. (1995). *Pakt o neitralitete mezhdu SSSR i Yaponiei: diplomaticheskaya istoriya, 1941—1945* [The Neutrality Pact Between the USSR and Japan: Diplomatic History, 1941—1945]. Moscow: Novina. (In Russian).

Slavinskii, B.N. (1996). *Yaltinskaya konferentsiya i problema severnykh territorii* [The Yalta Conference and the Problem of the Northern Territories]. Moscow: Novina. (In Russian).

Slavinskii, B.N. (1999). *SSSR i Yaponiya — na puti k voine: diplomaticheskaya istoriya, 1937—1945* [The USSR and Japan — On the Road to War: Diplomatic History, 1937—1945]. Moscow: Yaponiya segodnya. (In Russian).

Sokolov, V.V. (2005). Posol SSSR F.T. Gusev v Londone v 1943—1946 godakh [The USSR Ambassador in London F.T. Gusev in 1943—1946]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 4, 102—128. (In Russian).

Tobe, Ryōichi. (2015). Politika Yaponii v otnoshenii Sovetskogo Soyuza v 1931—1941 gg.: problema yapono-sovetskogo pakta o nenapadenii [Japan's Policy Toward the Soviet Union in 1931—1941: The Problem of the Japanese-Soviet Non-Aggression Pact]. In A.V. Torkunov, M. Iokibe (eds.), *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii* [Russo-Japanese Relations in the Format of Parallel History] (pp. 359—389). Moscow: MGIMO University Press. (In Russian).

Togo, Shigenori. (1996). *Vospominaniya yaponskogo diplomata* [Memoirs of a Japanese Diplomat]. Introduction by B.N. Slavinsky; foreword by Togo Kazuhiko. Moscow: Novina. (In Russian).

Vorob'eva, T.A. (2010). Sovetsko-yaponskii pakt o neitralitete 1941 g. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [The Soviet-Japanese Neutrality Pact of 1941 in Contemporary Russian Historiography]. *Vestnik VyatGU* [Bulletin of Vyatka State University], 2 (1), 25—38. (In Russian).

Yokote, Shinji (2010). I.M. Maiskii v Yaponii v 1927—1929 gg. [I.M. Maisky in Japan in 1927—1929]. In O.R. Airapetov, M. Yovanovich, M.A. Kolerov (Eds.), *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. T. IX* [Russian Collection: Studies in Russian History. Vol. IX] (pp. 220—242). Moscow: Regnum. (In Russian).

Zaleski, K.A. (2000). *Imperiya Stalina. Biographicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Stalin's Empire. Biographical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Veche. (In Russian).

Zonova, T. (2017). Krovavaya volna repressii sovetskikh diplomatov [The Bloody Wave of Repression Against Soviet Diplomats]. *RSMD*, September 29. Retrieved September 29, 2025, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krovavaya-volna-repressiy-sovetskikh-diplomatov/> (In Russian).

* * *

Goldman, S.D. (2012). *Nomonhan, 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II*. Naval Institute Press.

Hasegawa, Tsuyoshi. (2005). *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.

Haslam, Jonathan. (1992). *The Soviet Union and the Threat from the East 1933—41*. Vol. 3. Moscow, Tokyo and the Prelude to the Pacific War. London: Macmillan.

Iriye, Akira. (1987). *The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific*. Routledge.

Kudo, Michihiro. (1985). *Nisso chyūritsu jōyaku-no kenkyū* [The Studies of the Japanese-Soviet Neutrality Pact]. Tokyo: Nansosha. (In Japanese).

Lensen, G.A. (1972). *The Strangle Neutrality: Soviet-Japanese Relations During the Second World War, 1941—1945*. Tallahassee: The Diplomatic Press.

Murakami, Takashi. (2004). *Kita karafuto sekiyu konseshshon, 1925—1944* [Kita Karafuto (Northern Sakhalin) Oil Concession, 1925—1944]. Sapporo: Hokkaido University Press. (In Japanese).

Shoji, Jun'ichiro (2010). *Sensō shūketsu wo meguru nihon-no senryaku — taiso kōsaku wo chūshin toshite* [Japanese Strategy in the Final Phase of the Pacific War: Around the Actions Toward the USSR]. *Sensōshi kenkyū kokusai fōramu hōkokusho* [NIDS International Forum on War History: Proceedings], 8, 124—138. Tokyo: NIDS. (In Japanese).

Shulatov, Yaroslav. (2016). V.L. Kopp and Soviet Policy Towards Japan After the Basic Convention of 1925: Moscow and Tokyo's Failed "Honeymoon"? In Matsuzato Kimitaka (ed.), *Russia and Her Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858—1945* (pp. 167—185). New York, London: Lexington Books.

Yokote, Shinji. (1998). *Dainiji sekaitaisenki-no soren-no tainichi seisaku, 1941—1944* [The USSR's Policy Towards Japan During World War II, 1941—1944]. *Hōgaku kenkyū* [Journal of Law, Politics and Sociology], Keio University, 71 (1), 201—227. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 29.12.2025

Received: 29 December 2025

Принята к публикации: 17.04.2026

Accepted: 17 April 2026